

А.А. ПОТЕБНЯ
ИЗ ЗАПИСОК
ПО РУССКОЙ
ГРАММАТИКЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Отделение литературы и языка

А.А.ПОТЕБНЯ

ИЗ ЗАПИСОК
ПО РУССКОЙ
ГРАММАТИКЕ

ТОМ
I-II

*Государственное
учебно-педагогическое издательство
Министерства просвещения РСФСР*

*Москва * 1952*

*Издание осуществлено под наблюдением
Комиссии по истории филологических наук
при Отделении литературы и языка АН СССР*

Общая редакция,
предисловие и вступительная статья
проф. доктора филологических наук
В. И. БОРКОВСКОГО.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Из лингвистического наследства, оставленного нам выдающимся отечественным языковедом Александром Афанасьевичем Потебней, ученым с мировым именем, особенно значительным является его капитальный труд „Из записок по русской грамматике“ (тт. I — II, III, IV).

В работах по историческому синтаксису восточнославянских языков (и не только в этих работах) авторы, представители самых различных направлений, широко привлекают материал из исследования А. А. Потебни, отдавая должную дань смелости и глубине выводов даже и в тех случаях, когда построения А. А. Потебни являются спорными или ошибочными.

А. А. Потебню как лингвиста характеризует умение выделить в фактах языка основное, главное, обобщить эти факты, показать своеобразие тех или иных синтаксических явлений для данного этапа исторического развития языка.

Исследуя синтаксис восточнославянских языков, А. А. Потебня устанавливает, какие наслоения в языке являются более поздними и какие более ранними, каковы пути развития синтаксической системы.

Для решения тех или иных вопросов А. А. Потебня привлекает не только материал славянских языков, широко используя, в частности, фольклор, но также и материал других языков, в первую очередь близкородственных — литовского и латышского.

Главы из „Записок по русской грамматике“, посвященные составному сказуемому (особенно истории причастий действительного залога в роли сказуемого), вторым косвенным падежам и их замене творительным падежом, придаточным предложениям, и многие другие поражают исключительной тонкостью научных наблюдений.

Интерес, проявляемый к названному труду А. А. Потебни, научная ценность его исследования побудили Учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР переиздать I — II тома работы „Из записок по русской грамматике“, давно уже ставшей библиографической редкостью. В дальнейшем издательство предполагает выпустить и III том.

I — II тома издаются на основе последнего (вышел еще при жизни автора), второго, исправленного и дополненного издания (Харьков, 1888. На обложке — 1889 г.).

Основной русский текст печатается по современной орфографии. Следует особо заметить, что в тексте (и в примерах) не сохраняется, как необычная для читателя, одна из характерных черт орфографии А. А. Потебни — напи-

сание *не* слитно с личными формами глагола, причастиями, деепричастиями, с прилагательными в сравнительной степени и наречиями¹. Примеры из старинных произведений приведены так, как они даны у автора, хотя А. А. Потебня не всегда располагал изданиями, вполне удовлетворительными с палеографической точки зрения.

В примерах из современных украинского, белорусского, польского, чешского, болгарского, литовского, латышского, немецкого и других языков также сохранена их транскрипция в книге А. А. Потебни.

Сохранены также и все условные сокращения, принятые А. А. Потебней.

В целях облегчения пользования трудом А. А. Потебни „Из записок по русской грамматике“, тт. I—II, в конце книги помещены составленные нами „Указатель имен“ цитируемых в книге авторов научных исследований и „Предметный указатель“.

В. И. Борковский

¹ Доводы А. А. Потебни в защиту слитного написания *не* с глаголами см. в данной книге на стр. 320. См. также „Орфографическую заметку“ А. А. Потебни в „Филологических записках“ за 1875 г., т. XIV, вып. VI, стр. 8—9. В „Заметке“ автор отмечает, что писать *не* отдельно следует лишь в противительных сочетаниях: *не хочу, а требую* и т. п.

АЛЕКСАНДР АФАНАСЬЕВИЧ ПОТЕБНЯ

Александр Афанасьевич Потеня¹, замечательный отечественный лингвист, литературовед и этнограф, чье имя носит Институт языковедения Академии наук Украинской ССР, родился 22 сентября 1835 г. в селе Гавриловке Роменского уезда Полтавской губернии. Его родители — мелкопоместные украинские дворяне.

По окончании польской Радомской гимназии А. А. Потеня поступил в 1850 г. в Харьковский университет на юридический факультет, откуда (частично под влиянием студента-медика Михаила Васильевича Неговского, любителя и собирателя украинских народных песен) перешел в 1852 г. на историко-филологический факультет.

Окончив Харьковский университет в 1856 году со степенью кандидата А. А. Потеней была представлена диссертация на тему „Первые годы войны Хмельницкого“, А. А. Потеня начинает службу в 1-й харьковской гимназии.

По совету П. А. Лавровского, крупного историка русского языка, А. А. Потеня готовится к магистерскому экзамену по славянской филологии.

В 1861 г. молодой ученый успешно защитил магистерскую диссертацию на тему „О некоторых символах в славянской народной поэзии“ и был назначен адъюнктом Харьковского университета.

В 1862 г. А. А. Потеня опубликовал в „Журнале Министерства народного просвещения“ большой труд „Мысль и язык“, который несколько раз был переиздан (последнее, пятое издание — в Харькове в 1926 г.).

В том же 1862 г. А. А. Потеня был командирован для научных занятий на два года за границу, откуда он возвратился до истечения срока командировки, в 1863 г.

В 1874 г. А. А. Потеня защитил в Харьковском университете докторскую диссертацию „Из записок по русской грамматике“ (1-я и 2-я части), высоко

¹ Сам А. А. Потеня так объясняет происхождение и значение слова „потеня“: „*Потеня. Тебенёк*, мн. *тебенёк*, кожаные лопасти по бокам казачьего седла, подвешенные на пряжках, нередко тисненные (Даль, без указания местности, но, вероятно, везде, где употребительно казачье седло). На Дону фамилия *Тебенёковых*. Слово татарского происхождения... *По-тебня*, мн. *потёбни*, то же, что *тебенёки*... Т. о., корень эт. слова татарский, предлог и грамат. форма — русские“ (А. А. Потеня, К истории звуков русского языка, IV, Этимологические и другие заметки, Отдельный оттиск из „Русского филологического вестника“, Варшава, 1883; стр. 49).

оцененную крупнейшими русскими и зарубежными славистами. Это замечательное исследование вышло спустя 14 лет вторым изданием, что для специальных научных работ было в то время редким явлением.

И. И. Срезневский о первой части заметил, что „такого цельного филологического разбора строя языка у нас еще не было“. Говоря о второй части труда А. А. Потебни, тот же ученый указал на „стройное богатство подобранных данных, их объяснений и сближений, приводящих к характеристике древнего и нового русского языка, и положительность выводов о ходе его изменений“.

Еще до защиты докторской диссертации А. А. Потебня стал известен как крупный ученый, опубликовавший, кроме названной выше работы „Мысль и язык“, ряд исследований, в их числе: „Два исследования о звуках русского языка“ (1864 — 1865); „Заметки о малорусском наречии“ (1870) и др.

В 1875 г. А. А. Потебня был утвержден экстраординарным профессором и осенью того же года — ординарным профессором Харьковского университета.

В 1877 г., на основании обширного отзыва академика И. И. Срезневского, высоко оценившего научные труды А. А. Потебни, их автору была присуждена Академией наук полная Ломоносовская премия, и в том же году А. А. Потебня был избран членом-корреспондентом Академии наук и действительным членом Общества любителей российской словесности при Московском университете.

Следующий, 1878 г. принес А. А. Потебне золотую Уваровскую медаль, присужденную Академией наук за разбор сочинения П. Житецкого „Обзор звуковой истории малорусского наречия“. За разбор труда Я. Ф. Головацкого „Народные песни Галицкой и Угорской Руси“ Академия наук в 1879 г. вновь присуждает А. А. Потебне золотую медаль.

Работы А. А. Потебни получили официальное признание и в других славянских странах: в 1887 г. он был избран членом чешского Общества наук.

В 1891 г. А. А. Потебне присуждается Русским географическим обществом его высшая награда — золотая Константиновская медаль за многолетние труды и крупные заслуги перед наукой.

Из других работ, написанных А. А. Потебней, следует отметить следующие: „К истории звуков русского языка“ (4 части, 1873 — 1883); „Слово о яолку Игореве“ (текст и примечания, 1878) (переиздано в 1914 г. с дополнениями из черновых рукописей — о „Задонщине“); „Объяснения малорусских и сродных народных песен“ (вышли в Варшаве отдельно двумя томами в 1883 и 1887 гг.); „Значения множественного числа в русском языке“ (1887—1888); „Этимологические заметки“ (1891) и др.

Уже после смерти автора были опубликованы III (в 1899 г.) и IV (в 1941 г.) тома „Из записок по русской грамматике“; работы „Язык и народность“ (1895), „Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка“ (1894 г. Третье издание — в 1930 г.), „Из записок по теории словесности“ (1905).

Вся научная и учебно-педагогическая деятельность А. А. Потебни связана с Харьковом, с Харьковским университетом. В Харьковском университете он читает лекции почти до самой смерти; в течение 12 лет, с 1877 по 1890 г., он был председателем состоящего при Харьковском университете Историко-филологического общества.

К А. А. Потебне, создавшему в Харьковском университете свою научную школу, ездили совершенствоваться молодые ученые-слависты, в числе их будущий академик Борис Михайлович Ляпунов. Учеником А. А. Потебни был и исключительно талантливый, но рано умерший Александр Васильевич Попов.

Умер А. А. Потебня в Харькове 11 декабря 1891 г. (в возрасте 56 лет).

О том, что потеряла отечественная наука со смертью А. А. Потебни, горячо и верно сказано в одном из многочисленных некрологов: „С кончиною А. А. Потебни не стало одного из даровитейших и прекраснейших русских людей... Харьков, вообще Украина наша всегда может указывать с гордостью на Потебню, как на один из своих драгоценных даров нашей общей русской образованности. Мир его праху и глубокая признательная память потомства за его прекрасные труды, один из лучших подвигов русской мысли в области человеческого знания“¹.

¹ Владимир Ламанский, А. А. Потебня (некролог), „Журнал Министерства народного просвещения“, 1892, январь, стр. 72.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ А. А. ПОТЕБНИ

А. КНИГИ, СТАТЬИ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ

1. О некоторых символах в славянской народной поэзии, Харьков, 1860; изд. 2, Харьков, 1914 [I. О некоторых символах в славянской народной поэзии. II. О связи некоторых представлений в языке. III. О купальских огнях и сродных с ними представлениях. IV. О доле и сродных с нею существах. Разделы II, III, IV издавались также отдельно (см. ниже 4, 8, 10)].

2. Мысль и язык, СПб, 1862 (отдельный оттиск статей, опубликованных в „Журнале Министерства народного просвещения“¹ за 1862 г.); изд. 4, Одесса, 1922; изд. 5, Харьков, 1926.

3. Отчеты о заграничной командировке, „Извлечения из отчетов лиц, отправленных Министерством народного просвещения за границу для приготовления к профессорскому званию“, ч. I и II, СПб, 1863. То же, в „ЖМНП“, 1862—1863.

4. О связи некоторых представлений в языке, Воронеж, 1864 (из „Филологических записок“², вып. III, 1864).

5. Заметка на заметку Сняtkова о „Кике“, „Филол. зап.“, вып. 1, 1865.

6. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий, Москва, 1865 (из „Чтений Московского общества истории и древностей российских“, книги 2—4, 1865).

7. Два исследования о звуках русского языка. I. О полногласии. II. О звуковых особенностях русских наречий, Воронеж, 1866 (из „Филол. зап.“ за 1864—1865 гг.).

8. О доле и сродных с нею существах, Москва, 1867 (из издания „Древности“, Труды Московского археологического общества, т. I, Москва, 1865—1867).

9. К статье Афанасьева „Для археологии русского быта“, „Древности“, Труды Московского археологического общества, т. I, Москва, 1865—1867.

10. О купальских огнях и сродных с ними представлениях, Москва, 1867 (из „Археологического вестника“ Московского археологического общества, май — июнь, июль — август, 1867).

¹ В дальнейшем употребляем сокращенное наименование „ЖМНП“.

² В дальнейшем „Филол. зап.“.

11. Переправа через воду, как представление брака, Москва, 1868 (из „Археологического вестника“ Московского археологического общества, ноябрь — декабрь 1867—1868).

12. Заметки о малорусском наречии, Воронеж, 1871 (из „Филол. зап.“, вып. I, II, IV, V за 1870 г.).

13. Из записок по русской грамматике, I. Введение, Воронеж, 1874 (из „Филол. зап.“, вып. IV—VI за 1873 г.).

14. Из записок по русской грамматике, II. Составные члены предложения и их замены в русском языке, Харьков, 1874 (из „Записок Харьковского университета“ за 1874 г.), изд. 2, исправленное и дополненное, Харьков, 1888 (на обложке 1889 г.)¹.

15. Заметки по исторической грамматике русского языка, „ЖМНП“ за 1873—1874 гг. (перепечатано в работе „К истории звуков русского языка“).

16. Грамматические замечания по поводу произведений М. Колосова и Л. Гейтлера, „Филол. зап.“, вып. I, IV, V, VI за 1875 г.

17. Орфографическая заметка², „Филол. зап.“, вып. VI за 1875 г.

18. К истории звуков русского языка. I, Воронеж, 1876 (из „Филол. зап.“, вып. I—III за 1876 г.). II. Этимологические и другие заметки, Варшава, 1880 (из „Русского филологического вестника“³ за 1879 г.). III. Этимологические и другие заметки, Варшава, 1881 (из „РФВ“ за 1880 г.). IV. Этимологические и другие заметки, Варшава, 1883 (из „РФВ“ за 1883 г.).

19. Малорусская народная песня по списку XVI века. Текст и примечания, Воронеж, 1877 (из „Филол. зап.“, вып. II за 1877 г.).

20. Рецензия на сочинение П. Житецкого „Обзор звуковой истории малорусского наречия“, Киев, 1876. „ЖМНП“ за 1877 г. Более подробно — „Записки Академии наук“ (в „20-м отчете об Уваровских премиях“), т. 33. Прилож., СПб, 1878.

21. Слово о полку Игореве. Текст и примечания, Воронеж, 1878 (из „Филол. зап.“ за 1877—1878 гг.); изд. 2, Харьков, 1914.

22. Рецензия на сборник „Народные песни Галицкой и Угорской Руси, собранные Я. Ф. Головацким“, М., 1878, 3 части в IV томах, „Записки Академии наук“ (в „22-м отчете об Уваровских премиях“), т. 37. Прилож., СПб, 1880.

23. Александр Васильевич Попов. В кн. А. В. Попов, Синтаксические исследования. I. Именительный, звательный и винительный в связи с историей развития заложных значений и безличных оборотов в санскрите, зендском, греческом, латинском, немецком, литовском, латышском и славянских наречиях, Воронеж, 1881, стр. I и II.

24. Некролог проф. А. М. Колосова. Газета „Южный край“, № 28 за 1881 г.

25. Объяснения малорусских и сродных народных песен, т. I, Варшава, 1883 (из „РФВ“ за 1883 г.); т. II. Колядки и шедровки, Варшава, 1887 (из „РФВ“ за 1887—1888 гг.).

26. Значения множественного числа в русском языке, Воронеж, 1888 (из „Филол. зап.“ за 1888 г.).

¹ Переизданы обе части названного сочинения.

² О слитном написании *не* с глаголами.

³ В дальнейшем — „РФВ“.

27. Этимологические заметки, „Живая старина“, вып. III за 1891 г.
28. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка, Харьков, 1894, изд. 3, Харьков, 1930.
29. Язык и народность, „Вестник Европы“, кн. IX за 1895 г.
30. Рецензия на работу А. Соболевского „Очерки из истории русского языка“ (ч. I, Киев, 1884), СПб., 1896 (из „Известий Отделения русского языка и словесности Академии наук“, т. I, кн. 4, 1896).
31. Из записок по русской грамматике, III. Об изменении значения и заменах существительного, Харьков, 1899.
32. Из записок по теории словесности, Харьков, 1905.
33. Из записок по русской грамматике, IV, М.—Л., 1941.

Б РЕДАКЦИЯ ИЗДАНИЙ, ПРЕДИСЛОВИЯ К ИЗДАНИЯМ

34. Сочинения Григория Федоровича Квитки (Основьяненка) в 6 томах, 1887—1894. Тт. 1—4 под редакцией А. А. Потебни.
35. Сочинения П. П. Артемовского-Гулака, „Киевская старина“ за 1888 г., с кратким предисловием и примечаниями А. А. Потебни.
36. „Степови думы та спивы“ Ивана Манджуры, 1889. Под редакцией А. А. Потебни.
37. Малорусские домашние лечебники XVIII в., „Киевская старина“, кн. I за 1890 г., с предисловием А. А. Потебни.
38. Сказки, пословицы и т. п., записанные И. И. Манджурой. „Сборник Харьковского историко-филологического общества“, т. 2, 1890, под редакцией А. А. Потебни.

ВВЕДЕНИЕ

І. ЧТО ТАКОЕ СЛОВО

Что такое слово? Определение отдельного слова как единства членораздельного звука и значения, по-видимому, противоречит обычному утверждению, что „одно и то же слово не только в различные времена или по различным наречиям одного и того же языка“, но и в одном и том же наречии в определенный период „имеет различные значения“ (Буслаев, Гр., § 112).

Говоря так, представляем слово независимым от его значений, т. е. под словом разумеем лишь звук, причем единство звука и значения будет не более единства дупла и птиц, которые в нем гнездятся. Между тем членораздельного звука без значения не называем словом. Такой звук есть искусственный фонетический препарат, а не слово.

Для разъяснения этого и подобных недоумений полезно иметь перед глазами хоть небольшой отрывок истории слова. Вот, напр., что мы знаем о слове верста. Прежде всего оно не заимствовано ни из готского, где *gasta, milliare* (Срезневский, Мысли об ист. рус. яз., 137), ни откуда бы ни было. Далее, оно не имеет ничего общего со взятым из немец. верстать (сущ., ж.), верстак, польск. *warsztat*, лит. *warsztotas*. При нем стоит верс-тва, несмотря на различие в суффиксах, не представляющее заметных отличий в значениях. Перед суф. -та и -тва с — из *t*, что делает возможным сродство с верт-еть. Что это сродство действительно существует, в этом убеждает сравнение с литовским и латинским. Литов. *wars-ta-s* (м. р.) — собственно поворот (плуга), длина борозды, проведши которую плуг поворачивают, мера расстояния, *ein pfluggewende*, мера поля; лит. *warsmas, warsnas, warsnis, id; s*, по всей вероятности, не прямо из *t*, перед *m*, *n* (Schl., Lit. Gr., § 23,5), а из *ss*, которое из *ts*, так что суффиксы здесь -*sma*, -*sna*, -*sni*. Лит. *warsna* (ж. р., суф. -*sna*) во мн. ч. *das gewende*, в един. *warsna, raszto*, отдел (писание), параграф. Латин. *versus* [буквально = литов. *warstas*, с тою разницею, что *tt* в лат. = *s*, как в *versum* (*t-tum*), *tonsum* (*d-tum*)] — поворот, заворот, в частности заворот плуга на конце нивы (= *versura*), откуда — борозда, мера расстояния, а затем полевая квадратная мера, как чешск. *hony*, рус., польск. *загон, zagon*

(поля); по сходству с бороздою — стих, строка. [Сравнение оранья (и сеянья) с писанием весьма распространено: ср. греч. βοοστροφῆ-δόν и загадки: лит. kurs, kytras gimes, su žasele arie? gasztininks su plunksna (Schl., Leseb., 64) — кто, хитрым (мудрым) родившись, гусью орет? писарь пером; укр. білоє поле, гусь на нем оре, мудрий го сіє (Номис, 303); мудрий мудрець гуссю ореть (ib.); вр. пятеро пашут = рука пишет (Даль, 449). Таким же образом и в верста находим следующие значения:

а) Из предполагаемого „поворот плуга“ — борозда, сохраненное в сербском (врста).

б) Обыкновенная, впрочем, различная в разных местах длина борозды становится путевой мерою (напр., Новг. лет., 1, 14 под 1168: воротилася отъ города за 30 верстъ; Ип. лет., 93, 94, 106 и др.). Без сомнения, мера эта сначала была значительно меньше восьмисотной и пятисотной версты. Ср. вр. гбны, расстояние, какое лошадь в сохе проходит не поворачивая назад; длина пашенной полосы: гряда в поле, служащая межою; мера длины, близкая к длине загона, нивы, от 7 сажень до полуверсты и версты; укр. гбни — длина лана, около 80 сажень; чешск. honu — длина в 125 шагов, затем — jitro (утро, уповод), jugerum, gewende, $\frac{1}{2}$ дня поля. Ср. также Iliad., X, 351 сл. (и Odys., VIII, 124): ἀλλ' ὅτε δὴ ῥάπερην ὄσσον τ' ἐπὶ οὖρα πέλονται ἤμιόνων, αἱ γάρ τε βοῶν προφερέστερα εἰσὶν ἐλθέμενα νεοῖο βαθείης πηχτὸν ἄροτρον... где различаются, как мера расстояния, муловые гоны от воловых.

Потт (Zeitschr. f. vergl. Spr., VIII, 21) предполагает, что в основании рус. верста в этом значении лежит представление равных пространств, обозначаемых столбами (durch die wiederkehr eines pfahles), т. е. он видит связь этого слова с корнем варт в возвращении столбов, но тем не менее указывает на сходство с versús, в коем ничего подобного не находится. Значение меры в верста, конечно, древнее того времени, когда стали ставиться верстовые столбы.

в) Рус. верста, верзила, высокорослый человек (презрительно) — не непременно от значения „верстовой столб“, а и от меры пути. Дорога загадывается так: „довга Гася (в. лежит Гася) простяглася, а як устане, до неба достане“ (укр.); лит. kad atsitēstu, dangų parentu; kad rankàs turėtu, wagi sugautu — если б встал (путь, kelies, м. р.), до неба б достал, если б руки имел, вора б поймал.

г) Рус. верста, верстовой столб, по такому же переходу мысли, по какому гоны получает значение версты, как предела нивы.

д) От значения борозды, как прямой, длинной, — верста, ряд предметов по прямой линии, напр. кирпичей в стене, камней в мостовой. Отсюда же в. луж. worszta, слой снопов в клуне; пол. warsta, warstwa, чеш. vrstva, vrstev, слой; хорут. versta, ряд вообще, в том числе и строка: po vrsti, по ряду, рядами, по порядку; jedno-, dvoj-, troj-, kelikovrst, в один, в два, во сколько

рядов, simplex, duplex etc. Отсюда хорут. серб. врста, разряд, класс, сословие; серб. врстан човјек, порядочный, почтенный; серб. врстати се, становиться в ряд. [Со значением ряда ср. литов. eile, борозда, строка, стих, слой, степень родства, ряд, боевой строй, порядок. Ближайшая форма корня — *il* из предполагаемого *ir*, а это из *ar* или в значении „орать“ (литов. *arti* и сродное с ним *irti*, *temigare*), или со значением „ити“ (санскр. *ar* со специальными временами от *ar ch*). В последнем случае ср. греч. *στοιχος*, ряд, линия, порядок, боевой строй, стих, при *στοιχω*, иду, санскр. *стиг h*, *ascendere*, гот. *staiga*, слав. стъзя и пр. Curt., Grundz., 1, № 177.]

е) От значения борозды, как идущей рядом с другою и равной с нею, ст.-рус. и ст.-сл. вѣрста, вѣрста и соврем. вр. верста, пара, ровня; „божьствыная и свѣтозарыная вѣрста Борисе и Глѣбе“ (до 1163 года, Срезн., Пам. рус. п.; там же „Борисе и Глѣбе мученика святая и супруга“ (пара, как пара волов в ярме). Отсюда вр. верстать, ровнять.

ж) От значения версты, как длины (пройденной), согласно с обычным представлением времени пространством и жизни путем, идет ст.-рус. и ст.-слав. вѣрста, вѣрста, возраст („отъ млада вѣрсты“, „юнь верстою“). Съвѣрстыникъ (срб. *врсник*) — имеющий одну версту с другим, однолеток и в этом смысле ровня, и, как жена, муж называются ровнею, так в следующем съвѣрстыница, жена: „мужи плакахуся съвѣрстыницъ своихъ“ (Ип. л., 200).

Из этих значений не менее 3—4 живет в одно время в русском языке, в каких бы тесных пределах мы его ни понимали. Совершенно случайно, что они не сохранились все.

Итак, слово верста, по-видимому, многозначительно; но таково оно лишь в том виде, в каком является в словаре. Между тем действительная жизнь его и всякого другого слова совершается в речи. Говоря „пять верст“, я разумею под „верст“ не ряд, не возраст и пр., а только меру расстояния. Слово в речи каждый раз соответствует одному акту мысли, а не нескольким, т. е. каждый раз, как произносится или понимается, имеет не более одного значения. Сравнивая отдельный акт речи „пять верст“, „отъ млада вѣрсты“ и т. п. и отвлекая общее, находимое в этих актах, мы должны считать это общее лишь сокращением, а не неизменной субстанцией, окруженною изменчивыми признаками. В действительности не только верста=500 саженой есть слово отдельное и отличное от верста=возраст, верста=пара, но и верста в одном из этих значений есть иное слово, чем версты, версте и т. д. в том же лексическом значении, т. е. малейшее изменение в значении слова делает его другим словом. Таким образом, пользуясь выражением „многозначность слова“, как множеством других неточных выражений, сделаем это выражение безвредным для точности мысли, если будем знать, что на деле есть только однозвучность различных слов, то есть то свойство.

что различные слова могут иметь одни и те же звуки. Однозвучность эта частью оправдывается единством происхождения слов, частью же происходит от уравнивающего действия звуковых стремлений языка, действия, в общем имеющего психологическое основание, но независимого от особенности значения слова. Напр., род, лоб местами произносятся как рот, лоп не в силу своего значения, а потому, что всякий звучный согласн. зв. на конце превращается в отзвучный; нем. *bratpfanne* превратилось в рус. противень не потому, что сковорода чем-либо напоминает вещь, противную другой, т. е. соответствующую или равную ей, а потому, что нем. слово своими звуками напомнило русское. Греч. *πρόσ-φορά* уже в древ.-рус. не позже XII в. явилось в форме *проскура* (Вопрош. Кюрик., Калайдов., Пам. росс. слов. XII в., 173; Житие Феодосия по сп. XII в.), как и ныне в укр. и др., за чем, сколько известно, не последовало никакого сближения значений с *про* и *скора*, *шкура* или другими туземными словами. От чисто фонетической нивеляции слов отличны случаи так называемой немецкими учеными „народной этимологии“ (*volksetymologie*), когда этимологически непонятное слово сближается и по смыслу со словом понятным и когда т. о. в семейство действительно родственных слов ошибочно вводятся слова, первоначально чуждые этому семейству. Напр., лат. *summa*, итог, понятие как складчина или сбережение, переходит в укр. *сумá* („невелика сумá грошей“ у Квитки); лат. *levisticum* в нем. *liebstöckel*, откуда укр. *любисток*, которым поят „для любощів“; лат. *centaurium* (из греч., кентаврово зелье), сближенное с *centum* и *aureus*, дало нем. *tausendgüldenkrant* (Pott, *Etym. Forsch.*, II, 4, 333), откуда укр. *золототысячник*.

Откуда бы ни происходила родственная связь однозвучных слов, слова эти относятся друг к другу, как предыдущие и последующие. Без первых не были бы возможны последние. Обыкновенно это казывают развитием значений слова из одного основного значения, но, согласно со сказанным выше, собственно это можно назвать только появлением целого слова, т. е. соединения членораздельного звука и одного значения, из слова предыдущего.

II. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ

Когда говорим, что А значит или означает Б, напр., когда, видя издали дым, заключаем: значит, там горит огонь; то мы познаём Б посредством А. А есть знак Б, Б есть означаемое этим знаком, или его значение. Знак важен для нас не сам по себе, а потому, что, будучи доступнее означаемого, служит средством приблизить к себе это последнее, которое и есть настоящая цель нашей мысли. Означаемое есть всегда нечто отдаленное, скрытое трудно познаваемое сравнительно со знаком.